

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-12-1.6>

Загороднюк Надежда Ивановна

ЧИСЛЕННОСТЬ И СОСТАВ ЗАКЛЮЧЕННЫХ ТОБОЛЬСКОГО ИЗОЛЯТОРА СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ (1924-1929)

На основе впервые вводимых в научный оборот архивных документов рассматриваются проблемы численности и состава заключенных Тобольского изолятора специального назначения (1924-1929 гг.). Методологической базой является теория модернизации общества. При работе с документами использовались общенаучные, исторические, источниковедческие методы. Автор пришел к выводу, что число заключенных на протяжении всего периода существования превышало нормы (400 чел.) в 1,5-2 раза и более, что совпадает с общероссийскими показателями. Переполненность тюрьмы оказала негативное влияние на материальное обеспечение надзора и заключенных, на организацию режима содержания и трудовой деятельности, бытовые условия.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2018/12-1/6.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2018. № 12(98). Ч. 1. С. 33-37. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2018/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Список источников

1. **Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ)**. Ф. 115. Кабардинские дела. Оп. 1.
2. **Бутков П. Г.** Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год: в 3-х ч. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1869. Ч. 1. 621 с.
3. **Виноградов Б. В.** Специфика российской политики на Северном Кавказе в 1783-1816 гг. Славянск-на-Кубани: ИЦ СГПИ, 2005. 384 с.
4. **Виноградов Б. В., Приймак Ю. В.** К вопросу о принадлежности Кабарды в контексте «нейтрализации» Крымского ханства и общих итогов османо-русской войны 1768-1774 гг. // Российская государственность в судьбах народов Кавказа – IX: материалы региональной научно-практической конференции (г. Пятигорск, 24-25 ноября 2016 г.). Пятигорск: ПГУ, 2016. С. 46-49.
5. **Виноградов Б. В., Приймак Ю. В.** Этнополитическая ситуация на Северном Кавказе в контексте фактора присоединения к России Крымского ханства (1772-1829 гг.). Армавир: АФГОУКИДПО, 2016. 186 с.
6. **Гутнов Ф. Х.** Горский феодализм: в 2-х ч. Владикавказ: Ир, 2007. Ч. 1. 319 с.
7. **Дубровин Н. Ф.** История войны и владычества русских на Кавказе: в 6-ти т. СПб.: Типография Департамента уделов, 1886. Т. 3. 325 с.
8. **История многовекового содружества. К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии с Россией.** Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2007. 720 с.
9. **История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в.** М.: Наука, 1988. 544 с.
10. **Кавказский вектор российской политики:** сборник документов: в 2-х т. / сост. В. А. Волхонский, В. М. Муханов. М.: Объединенная редакция МВД России, 2012. Т. II. Кн. 1. 1762-1799 гг. 800 с.
11. **Приймак Ю. В.** Северо-Восточное Причерноморье во внутри- и внешнеполитических процессах формирования южных границ России (конец XVII – первая треть XIX в.). Армавир: Полипринт, 2011. 359 с.
12. **Северный Кавказ с древних времен до начала XX столетия:** историко-этнографические очерки / под ред. и с предисл. В. Б. Виноградова. Пятигорск: ПГЛУ, 2010. 318 с.

**FACTORS AND CONDITIONS FOR INTEGRATION OF THE CAUCASIAN COMMUNITIES
OF CENTRAL AND NORTH-EASTERN CAUCASUS INTO THE RUSSIAN STATE
AND LEGAL FIELD IN THE XVIII CENTURY**

Vartanyan Khanuma Sergeevna
Armavir State Pedagogical University
vartanayn1994@mail.ru

The article substantiates that during the process of the Russian-mountain interaction in the XVIII century the factors and circumstances of the integration of the mountain communities into the Russian state and legal field were the continuation of the foreign-policy struggle for the Caucasus, the unstable regional ethno-political situation, and different “stage” levels of the subjects of the Russian-mountain relationship. Under these conditions, the prospects of the Caucasian peoples’ integration into Russia turned out to be complicated and associated with many long-term problems and difficulties.

Key words and phrases: Russian-mountain interaction; Ottoman-Russian wars; mountain traditional lifestyle; oath of allegiance; completion of Islamization process; foray expansion.

УДК 93/94; 343.82(091)(571.12)

Дата поступления рукописи: 18.10.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-12-1.6>

На основе впервые вводимых в научный оборот архивных документов рассматриваются проблемы численности и состава заключенных Тобольского изолятора специального назначения (1924-1929 гг.). Методологической базой является теория модернизации общества. При работе с документами использовались общенаучные, исторические, источниковедческие методы. Автор пришел к выводу, что число заключенных на протяжении всего периода существования превышало нормы (400 чел.) в 1,5-2 раза и более, что совпадает с общероссийскими показателями. Переполненность тюрьмы оказала негативное влияние на материальное обеспечение надзора и заключенных, на организацию режима содержания и трудовой деятельности, бытовые условия.

Ключевые слова и фразы: тюрьма; изолятор специального назначения; политизолятор; динамика численности заключенных; состав заключенных; Тобольск.

Загороднюк Надежда Ивановна, к.и.н.

Тобольская комплексная научная станция Уральского отделения Российской академии наук
niz1957@yandex.ru

**ЧИСЛЕННОСТЬ И СОСТАВ ЗАКЛЮЧЕННЫХ ТОБОЛЬСКОГО
ИЗОЛЯТОРА СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ (1924-1929)**

Работа поддержана программой УрО РАН «Социально-экономические и гуманитарные проблемы развития общества № 18-6-6-13».

Современные процессы совершенствования уголовно-исполнительной системы требуют тщательного анализа опыта прошлых лет, поэтому изучение особенностей советской пенитенциарной системы и отдельных

ее элементов представляет научный интерес. В отечественной и зарубежной историографии на фоне значительного количества работ, рассматривающих лишь общие тенденции развития советской пенитенциарной системы в 1920-е гг., тема функционирования отдельных тюрем, в том числе изоляторов специального назначения (политизоляторов), недостаточно изучена. Политизолятор как тип мест заключения становится символом репрессивной политики Советского государства в 1920-1930-е гг. Тобольский политизолятор, наряду с Ярославским, Суздальским, Верхнеуральским, Челябинским, является одним из пяти наиболее известных мест заключения. Обращение к истории одной тюрьмы позволяет выявить специфику ее деятельности через сравнение с общероссийскими тенденциями в пенитенциарной системе, с другой стороны – дает возможность рассмотреть систему «изнутри», что поможет сделать более глубокий анализ проблемы, избежать мифотворчества.

Источниковой базой исследования являются впервые вводимые в научный оборот архивные документы Уральского областного и Тобольского окружного исполнительных комитетов, комитетов партии, административных отделов, отделов ГПУ-ОГПУ, прокуратуры, хранящиеся в Центре документации общественных организаций Свердловской области, Государственном архиве социально-политической истории Тюменской области, Государственном архиве в г. Тобольске и др.

Первое упоминание о Тобольском изоляторе специального назначения встречается в сводке ОГПУ от 22 ноября 1923 г. [7, д. 21, л. 81]. В Уголовно-исполнительном Кодексе РСФСР 1924 г. был закреплен статус изоляторов специального назначения, сформулированы основные задачи: данные места заключения предназначались для лиц, приговоренных к лишению свободы со строгой изоляцией и не принадлежащих к классу трудящихся и совершивших преступление «в силу классовых привычек, взглядов или интересов», а равно лиц, хотя и принадлежащих к трудящимся, но признаваемых особо опасными или переводимых в порядке дисциплинарного взыскания. «Изоляторы специального назначения, – подчеркивалось в документе, – имеют целью создание обстановки и условий, наиболее способствующих изоляции социально-опасных заключенных» [10, с. 37].

На протяжении своего существования Тобольский политизолятор претерпел ряд реорганизаций. 18 сентября 1929 г. приказом ОГПУ была приостановлена его работа, а в 1935 г. он был преобразован в тюрьму НКВД особого назначения.

С начала 1920-е гг. в стране наблюдался рост числа осужденных и, соответственно, заключенных. Из приведенных В. Н. Земсковым данных явствует, что количество осужденных в стране с 1923 по 1929 гг. увеличилось почти в 12 раз, из них отправленных в лагеря, колонии и тюрьмы – в 11 раз, в ссылку и высылку – в 12 раз [11]. Одновременно прослеживался рост числа ссыльных. По данным О. Н. Бортниковой, число высланных только на Обской Север выросло с 1921 по 1927 гг. в 6 раз [1, с. 98]. Рост осужденных, заключенных и ссыльных в стране, отразился на деятельности Тобольского изолятора специального назначения.

Нормативная численность заключенных политизолятора была определена в 400 чел. Накануне реорганизации, по данным на 22 ноября 1923 г., в тюрьме содержалось до 1000 чел. [7, д. 21, л. 81], что превышало норму в 2,5 раза. На январь 1924 г. в тюрьме находилось 507 заключенных всех категорий [8, д. 138, л. 95]. В последующие 1925-1927 гг. наблюдается аналогичная ситуация: в 1925 г. – 952, в 1926 г. – 597, в 1927 г. – 768, в 1929 г. – 727 заключенных (данные на начало календарного года) [3, д. 17, л. 1; 4, д. 76, л. 48; 7, д. 261, л. 48, д. 624, л. 188].

Полученные сведения о динамике численности отдельных категорий заключенных приведены ниже (Таблица 1).

Таблица 1. Динамика численности заключенных Тобольского изолятора специального назначения в 1925-1927 гг.

дата	срочные / в том числе строгой изоляции, чел.	подследственные, чел.	пересыльные, чел.	всего, чел.
01.01.1925	нет сведений	нет сведений	нет сведений	952 [4, д. 176, л. 48]
12.03.1925	756	78	3	837 [8, д. 138, л. 95]
15.04.1925	нет сведений	нет сведений	нет сведений	915 [4, д. 176, л. 91]
10.10.1925	нет сведений	нет сведений	нет сведений	675 [4, д. 176, л. 171]
06.01.1926	нет сведений	40	нет сведений	597 [7, д. 261, л. 37]
28.06.1926	578	51	47	676 [4, д. 266, л. 97 об.]
29.07.1926	618/321	37	19	674 [4, д. 266, л. 208]
01.09.1926	632	41	15	688 [4, д. 266, л. 230]
01.11.1926	752/437	49	–	801 [4, д. 266, л. 323]
01.12.1926	746/427	46	4	796 [4, д. 266, л. 360]
01.01.1927	723	42	3	768 [7, д. 624, л. 188]
01.07.1927	715	55	60	830 [7, д. 624, л. 188]

Приведенные выше данные показывают, что на протяжении пяти лет наблюдалось постоянное превышение нормативного показателя численности заключенных. Относительно стабильно было число срочных заключенных: оно колебалось от 500 до 800 чел., составляло до 95% от всего состава, причем заключенных, отбывавших наказание в условиях строгой изоляции, по данным 1926 г., – более 50%. Вторая (подследственные) и третья (пересыльные) категории по численности были незначительны. Если первую и третью составляли лица, осужденные судом и внесудебным порядком различных регионов СССР, то во вторую – местные жители из Тобольского и близлежащих округов Уральской области.

В течение года наблюдалось то уменьшение, то увеличение числа заключенных. Такие колебания зависели от многих факторов. В первую очередь, следует учитывать, что основную массу заключенных и ссыльных этапировали по реке, на пароходах, в период навигации – с конца мая по сентябрь.

Во второй половине 1929 г. в связи с приостановлением деятельности политизолятора наблюдается заметное уменьшение численности срочных заключенных, незначительное – подследственных и пересыльных (Таблица 2).

Таблица 2. Численность заключенных Тобольского изолятора специального назначения на 1929 г. [3, д. 17, л. 1, 2, 21, 28, 41-43, 57, 76]

дата	срочные / в т.ч. строгой изоляции, чел.	подследственные, чел.	пересыльные, чел.	всего, чел.
01.01.1929	656	66	5	727
01.02.1929	611	57	57	725
01.03.1929	627	66	–	693
01.04.1929	605	97	–	702
01.05.1929	597	94	24	715
01.06.1929	438	77	39	554
01.07.1929	292	86	26	404
01.08.1929	192	76	7	275
01.10.1929	171	48	12	231

Динамика движения заключенных в течение года представлена в Таблице 3. Так, за вторую половину 1927 г. прибыло 1287 чел., убыло практически столько же – 1200 чел. Прием, размещение и этапирование такого количества заключенных требовали значительных сил и затрат со стороны администрации тюрьмы и надзора.

Таблица 3. Движение заключенных Тобольского политизолятора (вторая половина 1927 г.) [2, д. 90, л. 16-17]

заключенные	прибыло, чел.	убыло, чел.	всего, чел.
срочные	395	381	529
подследственные	434	164	53
пересыльные	458	455	3
всего	1287	1200	590

Выявленные документы не позволяют дать полную статистику движения спецконтингента. Известны лишь отдельные факты об убыли (побегах, смерти) заключенных: во второй половине 1924 г. умерло 2 чел., убито во время побега 3 чел. [7, д. 262, л. 19-21]; в 1926 г. зафиксирована смерть одного человека [4, д. 266, л. 360]; за первое полугодие 1927 г. было освобождено 388 чел., умерло 4 чел. [7, д. 624, л. 188]; за 10 месяцев (январь – октябрь) 1929 г. умерло 3 чел. [3, д. 17, л. 43].

Привлечение заключенных к внешним работам создавало условия для побегов. В августе 1924 г. совершили побег 12 чел. [7, д. 262, л. 19-21]. За 7 месяцев 1926 г. было зафиксировано 3 случая, все – с производственных объектов [4, д. 266, л. 208, 230 об., 323]. Если за первую половину 1927 г. побег совершили 5 человек [7, д. 624, л. 188 об.], то за весь 1927 г. из стен тюрьмы бежал 1 чел., с внешних работ – 19 чел., из них было задержано 7 чел., а 13 чел. значились в бегах [2, д. 90, л. 7]. В течение 1929 г. совершили побег 22 заключенных [3, д. 17, л. 76].

Проводимые государством амнистии распространялись и на заключенных Тобольского политизолятора. К 5-летию и 10-летию Октябрьской революции на свободу вышли десятки заключенных. В 1924 г. по амнистии вышли на свободу 50 чел. [4, д. 176, л. 10, 69], в 1927 г. – 388 чел. [7, д. 624, л. 188].

«Состав преимущественно уголовный», – отмечалось в документах Тобольского окрисполкома в июне 1926 г. [4, д. 266, л. 97 об.]. Во второй половине 1927 г. срочные заключенные отбывали наказание не только за политические, но и уголовные преступления (Таблица 4):

Таблица 4. Численность срочных заключенных по составу преступления (вторая половина 1927 г.) [2, д. 90, л. 16 – 17 об.]

виды преступлений	прибыло	убыло	всего
контрреволюционные преступления	4	31	26
преступления против порядка управления	177	195	113
должностные (служебные) преступления	14	35	21
нарушение правил об отделении церкви от государства	–	–	–
хозяйственные преступления	–	3	1
преступления против жизни, здоровья и свободы личности	73	88	209
имущественные преступления	47	227	119

Наиболее многочисленные группы заключенных – отбывающие наказание за преступления против жизни, здоровья и свободы личности, преступления против порядка управления, имущественные преступления.

Осужденные за контрреволюционные преступления составляли лишь 5% (26 чел.) На вышеуказанный период в заключении находилось 145 чел., осужденных за убийство, 70 чел. – за разбой и грабеж, 44 конокрада, 41 грабитель. Больше половины заключенных (58,6%) отбывали сроки от 5 до 10 лет. Число рецидивистов (отбывавших наказание более 2 раз) – 30 чел., приговоренных к строгой изоляции – 173 чел. [2, д. 90, л. 16 – 17 об.].

Имеются лишь отдельные сведения о социальном составе заключенных. В первом полугодии 1927 г. среди срочных заключенных наибольшую группу – 397 чел. – составляли «бывшие служащие» (55%), рабочие – 209 чел., или 29%, крестьяне – 55 чел., безработные – 39 чел., нетрудовой элемент – 11 чел., прочие – 5 чел. [7, д. 624, л. 188]. Во второй половине того же года крестьяне составляли 57%, рабочие – 27,4%, безработные – 7%, служащие – 6% [2, д. 90, л. 16 – 17 об.].

В Тобольском политизоляторе отбывали наказание женщины и несовершеннолетние. Женщины содержались в отдельном корпусе, несовершеннолетние – в отдельных камерах. На 1 января 1925 г. в заключении находилось 67 женщин [4, д. 276, л. 48]. Имелись факты (1926 г.) препровождения в изолятор семей с несовершеннолетними детьми [3, д. 10, л. 27]. По данным на 1929 г., численность женщин-заключенных колебалась от 10 до 31 чел., несовершеннолетних – от 5 до 38 чел. [Там же, д. 2, л. 17].

Пятилетним планом Тобольского политизолятора на 1928-1932 гг. предусматривался рост численности заключенных, исходя из ежегодного увеличения на 50 чел. – с 800 в 1928 г. до 1000 чел. в 1932 г. [6, д. 160, л. 3 об.]. В это же время обсуждался вопрос о реорганизации учреждения и создании сельскохозяйственной колонии. После оценки возможности и перспективы развития было принято решение о нецелесообразности такой реорганизации [Там же, л. 3]. 18 сентября 1929 г. поступил приказ ОГПУ о временном закрытии учреждения. Предписывалось политзаключенных перевести в другие изоляторы, а личный состав сократить с 16 октября 1929 г., за исключением сотрудников ОГПУ [12, с. 398]. Но сроки выполнения приказа затянулись до начала навигации 1930 г.

В 1930 г. город Тобольск стал пересыльным пунктом для нескольких сотен тысяч семей раскулаченных крестьян. Одновременно с ними прибывали партии осужденных, которых на 1 февраля 1930 г. числилось 519 чел. и ожидалось 297 чел. Более половины заключенных составляли осужденные внесудебным порядком [5, д. 158, л. 59 – 59 об.].

Тюрьмы города (изолятор специального назначения с домом заключения) были переполнены. Численность находящихся в них членов раскулаченных семей превышала норму в несколько раз: на 21 марта 1930 г. в тюремных зданиях было размещено 905 чел., на 29 марта – 1 050 чел. [Там же].

17 марта 1930 г. состоялось заседание Особой комиссии (тройки) по разгрузке заключенных тюрьмы, в состав которой вошли председатель окрисполкома, секретарь окружного комитета партии, начальник окружной милиции. Комиссия рассмотрела 223 дела. В итоге было принято решение: оставить без изменения для работ при домзаке – 24 чел. (11%), заменить лишение свободы высылкой из пределов округа на оставшийся срок – 14 чел. (6,3%), направить в ссылку – 64 чел. (29%), направить в колонию – 24 чел. (11%), освободить из-под стражи – 4 чел. (1,8%), лишение свободы заменить принудработами – 22 чел. (10%), направить в исправительно-трудовой лагерь – 36 чел. (16%), освободить, в т.ч. условно-досрочно – 4 чел. (1,8%), отправить в Пермь – 1 чел. (0,4%), включить в особый список для передачи окрисполкому – 17 чел. (8%), отправить дело в прокуратуру – 11 чел. (5%), направить в детскую колонию – 1 чел. (1,8%) [4, д. 615, л. 298-305].

Таким образом, приведенные выше сведения о численности и составе заключенных позволяют сделать некоторые выводы. Во-первых, на протяжении всего времени функционирования тюрьмы численность заключенных превышала нормативные показатели. Такое явление наблюдалось повсеместно в пенитенциарных учреждениях страны. В стенах политизолятора отбывали наказание осужденные по политическим и уголовным статьям, причем число «политиков» было не определяющим.

Главное управление мест заключения отпускало кредиты на содержание заключенных, исходя из нормативной численности – 400 чел. Экстремальные условия пребывания заключенных усугублялись переполненностью тюрьмы и связанным с ней скудным снабжением продуктами питания, предметами первой необходимости: одеждой, обувью, постельными принадлежностями. Наличие подсобного хозяйства не компенсировало нехватку продуктов. Бытовые условия на протяжении всего периода существования изолятора были неудовлетворительными.

Список источников

1. **Бортникова О. Н.** Сельно-поселенцы и местное население городов Севера // Проблемы культуры городов России: материалы Третьего всероссийского научно-практического семинара. Томск: Издательство Томского государственного педагогического университета, 1997. С. 98-99.
2. **ГБУТО «Государственный архив в г. Тобольске»** (ГБУТО ГА в г. Тобольске). Ф. Р-200. Оп. 1.
3. **ГБУТО ГА в г. Тобольске.** Ф. Р-200. Оп. 2.
4. **ГБУТО ГА в г. Тобольске.** Ф. Р-434. Оп. 1.
5. **ГБУТО ГА в г. Тобольске.** Ф. Р-434. Оп. 3.
6. **ГБУТО ГА в г. Тобольске.** Ф. Р-1178. Оп. 1.
7. **ГБУТО «Государственный архив социально-политической истории Тюменской области»** (ГБУТО ГАСПИТО). Ф. П-30. Оп. 1.
8. **ГКУСО «Центр документации общественных организаций Свердловской области»** (ГКУСО ЦДООСО). Ф. П-4. Оп. 3.
9. **Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).** Ф. 9401. Оп. 1.
10. **ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918-1960** / под ред. А. Н. Яковлева; сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров. М.: МФД, 2000. 888 с.

11. Земсков В. Н. О масштабах политических репрессий в СССР [Электронный ресурс] // Политическое просвещение. 2012. № 1 (66). URL: <http://www.politpros.com/journal/read/?ID=783> (дата обращения: 12.10.2018).
12. Риве З. Э. Тобольский острог. Тюмень: Вектор-Бук, 2017. 560 с.

AMOUNT AND STAFF OF PRISONERS OF TOBOLSK SPECIAL ISOLATION WARD (1924-1929)

Zagorodnyuk Nadezhda Ivanovna, Ph. D. in History
Tobolsk Complex Scientific Station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
niz1957@yandex.ru

Relying on previously unknown archival documents the author analyses the amount and staff of the prisoners of Tobolsk special isolation ward (1924-1929). The research is based on the modernization theory. General scientific, historical, source study methods are used. The author concludes that the amount of the prisoners over the whole period exceeded the norms (400 persons) by more than 1,5-2 times, which coincides with the all-Russian rates. Prison overcrowding influenced negatively the material provision of prisoners and security guards, prison regime, the prisoners' labour and living conditions.

Key words and phrases: prison; special isolation ward; political prison; prisoner population dynamics; prisoner staff; Tobolsk.

УДК 902.01

Дата поступления рукописи: 25.09.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-12-1.7>

Городище Уфа-III было открыто П. Ф. Ищериковым в 1954 г. в историческом центре г. Уфы. Археологические раскопки проведены на памятнике М. Х. Садыковой в 1969 г. Результаты исследований автором раскопок не были опубликованы. Работа посвящена публикации керамической коллекции Нового времени археологического памятника «городище Уфа-III» из раскопок М. Х. Садыковой 1969 г. В статье приводится история археологического изучения памятника. В ходе работы создана типология керамической серии памятника. Керамика Нового времени представлена пятью различными формами сосудов, отличающихся конструктивными особенностями, и датируется XVIII-XIX вв.

Ключевые слова и фразы: Уфа-III; городище; поселение; гончарная керамика; круговая керамика; поливная керамика; Новое время; типология.

Камалеев Эльвир Венерович, к.и.н.

Колонских Александр Геннадьевич

Антонов Игорь Владимирович, к.и.н., доцент

*Институт этнологических исследований имени Р. Г. Кузеева – обособленное структурное подразделение Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук
kamaleev-ilvir@mail.ru; kontrobazz@mail.ru; igan73@yandex.ru*

КЕРАМИКА НОВОГО ВРЕМЕНИ ГОРОДИЩА УФА-III (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК М. Х. САДЫКОВОЙ 1969 Г.)

Активные темпы роста промышленности, сельского хозяйства и строительства в 1960-1970-е гг. актуализировали широкие полевые исследования на археологических объектах региона. Многочисленные коллекции изученных поселений и некрополей, полученные в ходе археологических экспедиций тех лет, опубликованы не полностью. При этом большинство исследованных памятников за последние десятилетия утрачены для науки в ходе активной хозяйственной деятельности.

Основная цель работы – обобщение данных керамической коллекции Нового времени памятника археологии «Городище Уфа-III» из раскопок М. Х. Садыковой 1969 г. Достижение поставленной цели представляется возможным путём анализа признаков технологии, морфологии, декора гончарной керамики, а также последующего синтеза в виде построения типологических схем для керамики Нового времени городища Уфа-III. Одной из важных задач исследования является культурно-хронологическая атрибуция исследуемого материала.

Судя по информации из археологического отчета, полевые исследования на данном участке проводились в связи с планированием постройки на территории археологического объекта жилых домов. В настоящее время памятник практически полностью занят плотной городской застройкой. Актуальность исследования связана со слабой изученностью в регионе объектов Нового времени классическими методами полевых археологических работ. Археологическое исследование культурного слоя объектов Нового времени на территории Приуралья находится на начальной стадии пополнения источниковой базы [2, с. 224]. Основной же массив данных об этапах заселения, ранней городской планировке, архитектуре и материальной культуре Нового времени представлен письменными источниками, которые, в свою очередь, не являются исчерпывающими. Поэтому материалы раскопок М. Х. Садыковой интересны в плане научного обобщения данных об археологической керамике – наиболее массовом источнике культурного слоя поселений.

Памятник расположен в историческом центре г. Уфы, открыт П. Ф. Ищериковым в 1954 г. [1, д. 375, с. 3-5]. Первооткрыватель локализует объект на территории квартала с ул. Фрунзе (современная ул. Заки Валиди), к юго-востоку от стрелки, которой оканчивается ул. Пушкина (современное название соответствует описанному П. Ф. Ищериковым). В 1969 г. охранные раскопки памятника проведены М. Х. Садыковой. На территории